

Посадочный материал перевезли на разные базы. Там были разные масштабы посадок и разные виды разведения. Все эти данные отображались на карте и наглядно показывали Цзян Лэ население соответствующих баз, их площадь, развитие и прочую информацию. По ним даже можно было увидеть, какие базы занимали ключевое место в раскладке Сян Пина.

Цзян Лэ закрыл карту и покинул пространство фермы.

Десятки дней не видевший внешнего солнца и дождя, Цзян Лэ одним шагом вошёл в пещеру. Столы, стулья и скамьи здесь были чистыми. Одна лоза как раз держала тряпку и сползала со стола; внезапное появление Цзян Лэ явно её обрадовало.

Цзян Лэ небрежно достал немного мясной обрезки, положил её на тарелку и поставил в углу у стены. Дочерние лозы на земле и под землёй разом высунулись наружу, сбились в кучку и начали есть. Эти двадцать с лишним дней они тоже могли охотиться сами, но количество добычи было ограничено, и крупных высокоуровневых мутировавших видов им почти не удавалось поймать. После хорошего мяса они стали привередливы: если мясо было не лучшим, есть его уже не хотелось.

Выйдя из пещеры, Цзян Лэ глубоко вдохнул воздух. Он почувствовал тепло солнечного света, почти проникающее сквозь кожу, ветер, распушивший волосы, и влажность вокруг, которая тоже казалась приятной.

Только когда за спиной раздался шорох трения по песку, Цзян Лэ открыл глаза и посмотрел назад.

Чёрная змея почти бросилась к нему и одним рывком оказалась у его ног.

— Ты наконец вышел! Я уже два раза приходила. В этот раз, я ждала тебя два дня, — сказала чёрная змея.

— Что случилось? — Цзян Лэ приподнял бровь. Судя по системному фону, ни на ферме, ни на других базах больших изменений не было, не похоже, чтобы что-то произошло.

Чёрная змея шмыгнула носом, опустила голову и уныло сказала:

— Я просто пришла с тобой попрощаться. Потом, наверное, не смогу приходить к тебе. Найди себе другого хозяина.

При слове «хозяин» Цзян Лэ очень захотелось стукнуть чёрную змею по голове, но побоялся, что и без того не слишком умный мозг станет ещё глупее. Пришлось, мысленно покрывшись чёрными линиями, продолжить спрашивать:

— Почему?

Чёрная змея отвернула голову и, делая вид, что стойко смотрит смерти в лицо, сказала:

— Потому что моё тело становится всё хуже. Хозяин собирается вырастить мне преемника.

— Тело плохо? Так подлечишься, и всё, — сказал Цзян Лэ. — Женьшень-лекарь ещё повышается, но уже скоро проснётся. Пусть потом снова тебя посмотрит?

Чёрная змея, всё это время повернувшись к Цзян Лэ затылком и словно уже презревшая жизнь и смерть, услышав это, с воплем бросилась ему в объятия и разрыдалась:

— Цзян Лэ, ты такой хороший! Я... я правда совсем не хочу умирать.

— Тогда не умирай, — спокойно сказал Цзян Лэ. — Пока я не убью Сян Пина, не смей умирать.

Чёрная змея подняла голову и посмотрела на него.

* * *

Вода стекала с головы Цзян Лэ, постепенно смывая запах, оставленный чёрной змеей. Из её уст Цзян Лэ узнал следующий план Сян Пина: начать очищение и обратить вспять весь хаос, возникший после апокалипсиса. Будь то зомби или обладатели способностей, все они считались объектами, которые нужно изменить и устранить. Как только Сян Пин завершит эксперимент, план очищения синхронно запустят на крупных базах.

Возможно, Сян Пин сам считал свой план великим и даже убедил, а точнее промыл мозги немалому числу людей. Но в глазах Цзян Лэ это так называемое «очищение» было просто смешным. Уже случившуюся мутацию невозможно искоренить — это доказали и прошлая жизнь, и нынешняя. Не думать о том, как приспособиться к текущей среде, а из личных желаний надеяться переделать других в ягнят на заклятие — это чистое безумие.

Вспомнив спину чёрной змеи, когда та уходила, Цзян Лэ тихо вздохнул. Он надеялся, что она правда поняла, что ей следует делать.

За дверью прошла волна энергии. Цзян Лэ открыл глаза сквозь струи воды. Его движение уже было очень быстрым: он мгновенно оказался у двери ванной и собирался запереть её изнутри. Но всё же на шаг опоздал: волчонок, только что завершивший повышение, снаружи толкнул дверь.

И рука внутри двери, и рука снаружи — для них материал этой двери был подобен тофу. Но именно эта дверь упрямо стала границей.

— Отпусти, — сказал Цзян Лэ. — Когда я моюсь, нельзя так самовольно открывать дверь.

На лице Цзян Лэ было очень хозяйское выражение, голос тоже оставался ровным, но внутри он сам не знал, послушается ли волчонок. После того как уровень волчонка превысил уровень Цзян Лэ, вне боя у него часто проявлялось упрямство, раскрывая настоящий облик мутировавшего волка. И если смотреть с точки зрения звериной природы или высокоуровневого мутировавшего вида, «я единственный и главный» как раз и было его характером.

К счастью, спустя секунду-другую волчонок отпустил руку, позволив Цзян Лэ закрыть дверь.

Цзян Лэ не стал надолго задерживаться в ванной. Он торопливо закончил мыться, быстро оделся и вышел. Прежде чем переступить порог ванной, он ещё с сомнением опустил голову и понюхал себя, убедившись, что на теле не осталось запаха чёрной змеи.

Он просто боялся, что волчонок воспользуется поводом и начнёт создавать ему лишние проблемы. Просто хотел избавить себя от хлопот. Ни по какой другой причине. Так думал Цзян Лэ.

Но неожиданно, выйдя, он не увидел высокого мужчину. Перед ним оказался щенок-четырёхглазка, стоящий на краю кровати.

Это было слишком давно не виденное зрелище. Глаза Цзян Лэ мгновенно засияли. Он в два-три шага подошёл, ни о чём больше не заботясь, поднял щенка на руки к лицу и уткнулся в него, принявшись тереться. Ему только и не хватало пару раз громко крикнуть: «Какой милый!» Но действия уже полностью выражали именно это.

Одного вдыхания щенка ему оказалось мало. Цзян Лэ не почувствовал сопротивления волчонка и просто прижал его к кровати, протянув руку, чтобы почесать живот. Но не успел он почесать несколько раз, как щенок под ним мгновенно изменил форму, а положение человека и собаки сверху и снизу тоже поменялось.

Цзян Лэ с шумом опрокинуло, даже руки оказались прижаты к кровати подушечками лап гигантского волка. Огромная волчья голова приблизилась к нему.

«Вдохнуть щенка» превратилось во «вдохнуть человека».

Только теперь Цзян Лэ понял: это явно была намеренная приманка волчонка, заманивание врага вглубь. Но сопротивление уже не помогало. Его щёки и уголки губ беспорядочно вылизали, всего натёрли волчьим запахом, и только потом гигантский волк сверху снова превратился в человеческий облик, более ловко обнял Цзян Лэ и снова поцеловал его.

Сначала Цзян Лэ ещё пытался вырваться, но, подвигавшись несколько раз, понял, что что-то не так, и больше не осмелился шевелиться.

К счастью, волчонок не понимал, как целоваться, и тем более не понимал ничего на шаг глубже. Вскоре он сам остановился. Но, вероятно, из-за какого-то дискомфорта, который не понимал даже он, долго не двигался.

Цзян Лэ смотрел в потолок и чувствовал, что ситуацию действительно очень трудно разгрести. Когда волчонок впервые перешёл черту, Цзян Лэ не остановил его напрямую. И вот теперь всё превратилось в мутный долг.

Но Цзян Лэ сам знал: это попустительство происходило не только из избалованности или нежелания ранить. Стоило заменить нынешнюю сцену на любого другого человека или существо, кроме волчонка, и Цзян Лэ, пожалуй, стал бы сопротивляться до конца, даже если бы потерял половину жизни.

— Не хочу идти в другие места. Не хочу возвращаться на ферму. Не хочу этих двоих за дверь. Давай найдём место, где будем только мы вдвоём и не будем видеть больше никого. Разве так не лучше? — волчонок, уткнувшийся лицом в шею Цзян Лэ, вдруг глухо заговорил.

На ещё более перешедшие черту слова Цзян Лэ должен был прямо ответить «не хорошо». Но он не мог отрицать: жизнь вдали от мирской суеты, которую описал волчонок, действительно была для него привлекательной. На какое-то время он замолчал.

Волчонок поднял голову и посмотрел на Цзян Лэ:

— Когда убьём Сян Пина, больше не будем заниматься ничем другим.

Цзян Лэ подумал и ответил:

— Я постараюсь?

Увидев недовольство на лице волчонка, Цзян Лэ поднял руку и без всякой осторожности

несколько раз помял холодное, суровое мужское лицо:

— Всё, хватит капризничать. Пора заняться делом!

Питомцы один за другим проснулись в течение одного-двух дней. Убедившись, что повышение у всех прошло идеально и телосложение усилилось, Цзян Лэ не дал им долго отдыхать и сразу повёл питомцев на охоту. Прежде чем снова встретиться с Сян Пином лицом к лицу, Цзян Лэ хотел воспользоваться ограниченным временем и поднять уровни как можно выше, максимально увеличив вероятность победы.

Из-за того что несколько основных зданий и оборонительных сооружений фермы были демонтированы, показатель строительства ушёл в ощутимый минус. В последнее время он так и не набрал достаточно опыта для повторного открытия охотничьей карты.

Но этот морской остров был очень хорош. Стоило Цзян Лэ сымитировать мутировавшую ауру определённого уровня, как ночью многие морские мутировавшие виды выходили на берег.

Цзян Лэ мчался и петлял между волнами, проходя впритирку с многочисленными мутировавшими видами. За ним тянулись несколько привлечённых мощных мутировавших сил. Среди них были и те, чей уровень превышал уровень Цзян Лэ; в море их скорость плавания тоже далеко превосходила его. Ауры всё приближались, и вот уже казалось, что они вот-вот сомкнут зубы на его ногах.

Но именно в тот миг, когда мутировавшие виды решили, что охота удалась, человек перед глазами превратился в поток морской воды, заставив их промахнуться.

На самом деле мутировавшие виды всё-таки укусили. Просто Цзян Лэ в состоянии морской воды смешался с другой водой, быстро вышел из их пасти и снова слился со своим телом. Затем вместе с волной его выбросило на песчаный берег. А мутировавшие виды, гнавшиеся за ним, не успели затормозить и прямо высадились на этот незнакомый остров, немедленно встретив лобовую атаку мутировавшего волка, кровавой лозы и мутировавшего женьшеня.

Цзян Лэ вернулся в человеческий облик, застегнул пуговицы и откинул со лба мокрые волосы. Глядя на самого себя, целого и невредимого, он остался очень доволен своей реакцией.

За время этой охоты Цзян Лэ часто временно менял форму. Сначала это выходило тяжело и негибко, но теперь он уже мог быстро переключаться между знакомыми веществами. Польза такого изменения формы заключалась в том, что он быстро сливался с окружающей средой, заставляя некоторых существ, ориентированных на ментальные атаки, на короткое время терять способность преследовать. В каком-то смысле это тоже можно было считать защитной способностью.

Улучшенный костяной клинок жестоко рассёк голову мутировавшего вида. Цзян Лэ невозмутимо вынул из неё кристаллическое ядро. Глядя на ядро в ладони, он подумал, что подготовился ещё немного лучше.

* * *

Не Вэй держала ручку и с шорохом что-то писала на бумаге, записывая информацию после очередной успешной операции. С прорывом в экспериментах шанс успеха операций по преобразованию в последнее время становился всё выше.

Хотя у операций по превращению обладателей способностей в обычных людей после операции

всё ещё оставалось множество неблагоприятных реакций, Не Вэй верила: как и операции по преобразованию зомби, после начальных жертв результат станет лучше.

Обменять жертвы немногих на лучший мир — это разумно и стоит того. Не Вэй глубоко верила в то, что сказал ей Сян Пин.

Отложив ручку, Не Вэй подошла к одной операционной и немного нервно заглянула внутрь.

В этой операционной Сян Пин лично держал скальпель.

На двух операционных столах лежали два человека. Это были жена и дочь Сян Пина, которые после наступления апокалипсиса превратились в зомби. Убедившись в шансах успеха операции, Сян Пин почти не мог дождаться, чтобы преобразовать их.

Лишь после уговоров Не Вэй он провёл ещё несколько операций, и только так это отложилось до сегодняшнего дня.

Из щелей между страницами в блокноте Не Вэй проглядывали разные записи на разных страницах.

«У людей, преобразованных из зомби, память проявляется фрагментарно; возможны изменения личности...»

«Питание падалью усиливает накопление вируса и заставляет восстановленного человека утратить часть человечности...»

«Отторжение обычной человеческой пищи...»

Не Вэй смотрела на спину Сян Пина. Её взгляд снова невольно упал на женщину на операционном столе. По мере углубления операции сопротивление женщины ослабевало, начали проявляться человеческие реакции, и Не Вэй ещё сосредоточеннее уставилась внутрь.

По какой-то причине в глубине души Не Вэй на несколько долей надеялась, что эта операция полностью провалится...

Словно уловив эту мысль, женщина вдруг повернула голову к Не Вэй и мутными глазами вперилась прямо в неё.

<http://bllate.org/book/17649/1691195>